

ЕКАТЕРИНА
БОРДОН

САМЫЙ *синий*
ИЗ ВСЕХ

LIKE
BOOK

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Художественное оформление *Александра Андреева*
Иллюстрация на переплете *Ирины Вдовиной*

В оформлении авантитула использована иллюстрация
© Super Shanoom / Shutterstock.com.
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Бордон, Екатерина.

Б82 Самый синий из всех / Екатерина Бордон. —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-201222-8

У Саши очень необычный дар: прикасаясь к другому человеку, она видит его эмоции в цветовом спектре. Зависть — жёлтая, гнев — тёмно-красный, а любовь... У любви нет цвета, но она светится. Именно так она узнала, что ее папа изменяет маме, а Андрей, самый симпатичный парень в классе, — внутри абсолютно синий. А синий — цвет одиночества.

Единственный человек, чьих эмоций не видит Саша, она сама. Чтобы разобраться в этом и помочь Андрею, она начинает шаг за шагом открываться миру.

Ведь каждый заслуживает прощения и помощи, верно?

© Бордон Е., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201222-8

Глава 1

Стратегии выживания

Завтрак в нашей семье всегда проходит одинаково: мама накрывает на стол, Ксю увлеченно мусолит четвертинку яблока, а папа врет.

– Спасибо, дорогая, – говорит он, когда мама ставит перед ним тарелку с сырниками.

Она смахивает с щеки прядь кудрявых волос и улыбается, а папа улыбается в ответ. Ему почти пятьдесят, но он все еще красивый: высокий, светловолосый, голубоглазый. И лживый насквозь.

– Будешь сырники? – спрашивает мама.

Я сажусь за стол и киваю. Лучший саундтрек к моему настроению – визг, который издают ножки стула, скрипнув по полу.

– Два или три?

Молча поднимаю два пальца вверх, и на мою тарелку шлепаются пара страшненьких, но ароматных сырников. Мама говорит, в детстве я была болтушкой, так что, наверное, все слова, отмеренные мне на жизнь, уже закончились. Упс. Осталась только тишина. Тишина и, конечно, цвета.

Мама тянется, чтобы погладить меня по щеке, но я уворачиваюсь. Она грустно вздыхает,

и порция ласки достается Ксю. Сестренка радостно сучит пухлыми ножками и выпускает на свободу гроздь слюнявых пузырей. Пф-ф-ф, вот смешная! Маленький вечный двигатель, сгусток чистого счастья и неутомимый генератор слюней. Я наклоняюсь к ней, чтобы прикоснуться, но замираю, услышав папин голос:

– С каких пор, интересно, за этим столом сидят в шапке?

Он говорит спокойно, но все вокруг замирает. Его голос – как заклинание, после которого кухня вдруг проваливается куда-то в параллельный мир. Авада-Тихо-Всем! Мамина спина становится неестественно прямой, и даже масло на сковороде как будто начинает шипеть осторожнее.

– С этих, – так же спокойно отвечаю я.

– Так. – Папа откладывает вилку, и в тишине едва слышный стук металла о деревянную столешницу звучит как гонг. Сигнал к наступлению. – Сними шапку или выйди из-за стола.

Сырники пахнут творогом, уютом и немножечко детством. Живот урчит, настойчиво требуя еды, но я не собираюсь уступать. Только не ему.

Стиснув зубы, я встаю так резко, что стул с грохотом падает на пол. Ксю испуганно вздрагивает и начинает плакать. Мама тут же берет ее на руки, а я хватаю рюкзак и бросаюсь в коридор.

Десять секунд, чтобы сорвать с крючка ветровку и натянуть на себя, двадцать – чтобы сунуть ноги в потрепанные кеды, и пять – чтобы

смахнуть в карман связку ключей, лежащую на тумбочке.

– Саша! – кричит из кухни мама.

Я оглушительно хлопаю дверь и бегу вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Иногда убежать – единственный способ спасти себя.

Уж я-то знаю.

– Эй, куда прешь?

Та-дам! И вам доброго утра.

Какой-то бугай-старшекласник толкает меня с такой силой, что рюкзак падает на пол. Охранник, заметив это безобразие, переворачивает очередную страницу в сборнике сканвордов. Я на него не в обиде. Более того, я прекрасно его понимаю. Школа – это такое место, где никто не бывает собой. Здесь, как в мире животных, у каждого своя стратегия выживания.

Моя – притворяться мертвой.

Лапки вверх, и, если повезет, хищники пробегут мимо. Никому не интересно издеваться над жертвой, которая не подает признаков жизни. А я... о, я довела этот талант до совершенства. Моя суперспособность – быть суперневидимкой!

Я сижу на последней парте первого ряда возле окна, которое в теплые дни открывают настежь. В такие моменты я понимаю, как чувствует себя аквариумная рыбка, ведь стекло оказывается прямо передо мной. И мир вокруг странно искажается... Блоп-бульк. Блоп. Блоп.

Хотите знать, насколько еще я крута? Ок. Периодически о моем существовании забывают даже учителя. Пару дней назад Анна Викторовна сделала мне выговор за прогул биологии, на которой я на самом деле присутствовала! Точнее, тело мое присутствовало, а где были мозги и все остальное... Не знаю. Я почти не слушала ее вдохновенные речи про строение клетки. Зато успела нарисовать в блокноте историю приключений бородавки, которую заметила на шее у одноклассника за партой справа.

Жизнь у нее, скажу вам, получилась поинтереснее моей.

Сегодня все как обычно. Я захожу в класс, и ничего не меняется. Никакой немой сцены, в которой все как по команде поворачиваются ко мне. Люди заняты своими проблемами, и никому нет дела до меня. Лера сидит на парте, как на троне, и болтает стройными ногами. Марина и Оксана, как и положено свите, громко восхищаются ее красотой. Мальчики старательно делают вид, что не замечают их, а девочки включили режим Хатико и ждут Андрея. Он у нас что-то вроде местного принца и...

– Эй, ты заходишь?

Кажется, я так и застыла в дверях класса, мешая другим пройти. По крайней мере, Андрею. Он стоит за моей спиной и улыбается. Глаза у него серые, с темным ободком, а по русым волосам щедро рассыпаны солнечные блики.

– Ты прямо как кот. Ну, знаешь, есть у них такая привычка. Встать в центре прохода и стоять.

Я молчу.

– Твой так не делает?

– У меня нет кота.

Не знаю почему, но он смеется. А потом немного наклоняется ко мне, словно собирается рассказать какой-то секрет, и шепотом говорит:

– Знаешь, как будет «кис-кис-кис» по-болгарски? «Мац-мац-мац».

Пару секунд я просто моргаю, а потом вжимаюсь в стену и пропускаю его вперед. Андрей заходит в класс, и все вокруг оживает, будто кто-то выкрутил яркость и звук на максимум. Не знаю, как он это делает, но мир всегда крутится вокруг него.

А еще, кх-м, он очень приятно пахнет. Чем-то хвойным и свежим. Мне нравится.

Я сажусь на свое место и смотрю в окно. Дворник подметает спортивную площадку, люди спешат на работу, земля со скрипом вертится вокруг своей оси, а я не думаю об Андрее. Не думаю, не думаю, не думаю...

Интересно, не устает ли он всегда быть в центре внимания?

Уроки тянутся бесконечно, космически долго. И даже еще чуть-чуть. Я рисую в блокноте каракули: крылья, чьи-то губы, цветы, кисти рук – вот это вот все. Географичка устало бубнит про Африку и, кажется, сама себя не слушает.

– Бу-бу-бу... за чертой бедности... бу-бу-бу... уровень жизни... бу-бу-бу...

За партой передо мной сидят Егор и Оксана. Учебник у них раскрыт не на той странице,

но это и не важно. Они все равно используют его только как ширму и самозабвенно целуются. Я смотрю, как Егор заталкивает язык Оксане в рот, и кривлюсь от отвращения. Это выглядит омерзительно, фу. Но Оксане, кажется, нравится. Наверное, она просто не в курсе, сколько чужих микробов только что поселилось у нее во рту.

Для справки: за десять секунд поцелуя от одного партнера к другому переходит восемьдесят миллионов бактерий.

Когда наконец звенит звонок, я почти готова аплодировать. Сладкая парочка нехотя распадается на две самостоятельные, хоть и слегка ошалевшие половинки. Егор обводит мир вокруг мутным взором и, к несчастью, натывается на меня. Ухмыльнувшись, он опирается локтями на мою парту и демонстративно цокает языком. Манжеты его толстовки засалены и потерты, как у бродяги.

– Что, Македонская, завидно?

Оксана дергает его за рукав и шипит что-то сердитое. Она косится на меня, и я впервые замечаю, что глаза у нее голубые-голубые. А губы припухли от поцелуев...

– У тебя парень-то был когда-нибудь? – продолжает Егор. – Нет? Ну не теряй надежды, чо. Ха-ха-ха, каждой твари по паре! Где-нибудь точно живет второе такое убожество.

Отовсюду раздаются смешки. Одноклассники начинают потихоньку стягиваться к моей парте, а я опускаю голову так низко, что шапка почти полностью сползает на глаза. Не трогайте меня, не приближайтесь...

– Эй, язык проглотила?

Я отворачиваюсь и начинаю складывать учебники в рюкзак. Дергаю молнию, но она, как нарочно, заедает. Дергаю-дергаю-дергаю...

– Ты меня бесишь, Мацедонская.

Чертова молния!

– Зачем ты шапку напялила, а? Это типа какой-то акт протестантства?

Не удержавшись, я поправляю:

– Протеста.

– Что?

– Правильно говорить «акт протеста», а не «протестантства». Протестантство – это такая религия.

Егор вспыхивает. Все смеются, и каждый смешок как пощечина его самолюбию. Я тоже улыбаюсь едва заметно, только уголками губ.

– Чо ты ржешь, дура? Тебе смешно? Резко подавшись вперед, Егор срывает шапку с моей головы. Все происходит так быстро, что я успеваю только ахнуть, и волосы рассыпаются по лицу. Они у меня темные, почти черные. И только одна прядка спереди со вчерашнего дня синяя-синяя. – Это что за фигня? – гогочет Егор. – Ты типа эмо? Сменила стиль? Бг-г-г, беру свои слова назад, Мацедонская. Лучше надень ее обратно!

Класс содрогается от смеха. Точно, это же шутка века. Я торопливо набрасываю на голову капюшон толстовки и затягиваю тесемки так туго, как только могу. Мир сужается. Сердце сжимается. Егор злобно щурится. Брови у него даже не светлые, а какие-то бесцветные, и над

правым глазом шрам, почти как у Гарри Поттера.

– Почему синий-то? Если тебе кажется, что он тебе идет, то тебе только кажется!

Все опять смеются, а я мысленно возвожу вокруг себя стену. Кирпичик за кирпичиком. Вижу каждую щербинку, каждую крупинку цемента.

– Знаешь что, сделаю тебе одолжение – избавлюсь от этой дряни. Только ради тебя. – Подхватив пакет с учебниками, Егор вразвалочку идет к двери. Демонстративно выкидывают мою шапку в мусорное ведро и довольно потягивается, словно только что справился с важной работой.

Оксана бросает на меня виноватый взгляд и, прижав к груди сумку, бежит за ним следом.

Представление окончено, зрители расходятся.

Я складываю руки на парте и упираюсь в них лбом. Смотрю на сетку царапин-морщин, покрывающих парту. Упрямо кусаю губу и дышу.

Помните про стратегию «притворяться мертвой»?

Ни черта она не работает.

Последний урок на сегодня – физра, и это хуже, чем ужасно. Дело даже не в запахе грязных носков (да, у девчонок ноги тоже воняют). Просто все эти голые локти, все эти дурацкие игры, во время которых нужно пихаться, толкаться и трогать друг друга... Бр-р-р.

– Македонская, быстро разминаться!

Я вскакиваю со скамейки, безжалостно стягиваю волосы резинкой и каплей вливаюсь в ручей одноклассников. Мы бежим стандартные десять кругов, а Макарыч ритмично свистит в свой свисток. Была бы у него плетка, он бы точно шелкал ею о пол. В черном спортивном костюме, с выпирающим полнолунием брюшка, физрук похож на усталого дрессировщика с обвисшими усами. Цирк уехал, а Макарыча не взяли... Может, он поэтому всегда такой недовольный.

– Десятый «В», ну давайте поактивнее, е-мое!

В спортзале пахнет футбольными мячами, потом и штукатуркой. У одной стены кучей свалены маты, возле другой сгрудились лавочки. Наверное, у первоклашек опять были какие-то соревнования типа «Веселых стартов», а Макарыч поленился за ними прибраться. Наш спортзал вообще почти всегда похож на помойку, но до этого, кажется, никому дела нет. Включая меня.

На восьмом круге большая часть бегунов сдувается. Кое-кто переходит на шаг, а Макарычу надоедает свистеть в свисток. Он обреченно взмахивает рукой и падает на скамейку, бормоча себе под нос ругательства. Интересно, какого он сейчас цвета...

– Привет.

Я поворачиваю голову влево и с удивлением вижу Оксану, подружку Егора. Она бежит, прижав скрещенные руки к внушительной груди. Из-за размера бюста мальчишки в разговорах между собой часто зовут ее Сиськозавр

или Сисястый Монстр. Словно она не человек, а приложение к лифчику.

Вежливо киваю и замедляюсь, пропуская ее вперед: говорить-то нам не о чем. Вот только Оксана тоже переходит на шаг, и некоторое время мы идем рядом: я, она и ватное чувство неловкости между нами.

– Мальчишки такие дураки, – с нервным смешком выпаливает вдруг Оксана.

И я мысленно с ней соглашаюсь. Хотя бы потому, что за все то время, что они с Егором обжимаются перед моей партой, он ни разу не спросил, какую музыку она слушает, какие книги читает или, ну не знаю... о чем мечтает. Зато все время пялится на ее грудь и постоянно пытается облапать.

Мне вдруг хочется задать ей какой-нибудь вопрос.

– М-м-м, у тебя есть любимая книга?

Оксана быстро отводит взгляд от синей пряди в моих волосах и пожимает плечами:

– Не знаю. Я мало читаю. Наверное... наверное, «Гарри Поттер», но его все любят.

Я издаю тихий смешок, вспомнив про шрам Егора. Да уж, ирония... Оксана смотрит на меня непонимающе, и я торопливо добавляю:

– Думаю, Распределяющая шляпа отправила бы тебя в Пуффендуй.

Я говорю это только из вежливости, чтоб поддержать разговор, но Оксана от моих слов расцветает в улыбке.

– Вот и Егор так говорит! – радостно восклицает она. А затем быстро облизывает губы и нервно шепчет: – Ты не обижайся на него,

ладно? И не жалуйся учителям, что он тебя... Ну, словом, что он... Ты же понимаешь, да? Пожалуйста. Его могут выгнать из школы. Я с ним поговорю, обещаю. Только не рассказывай никому, ладно?

– Ладно, – отвечаю я.

Оксана снова улыбается и заправляет за ухо прядь рыжеватых волос, которая вырвалась на свободу из-под резинки и прилипла к щеке. Кажется, она еще что-то хочет сказать, но нас прерывает Лерин окрик:

– Окси, иди к нам!

– Ладно, пока, – бормочет Оксана и, бросив на меня встревоженный взгляд, покорно бежит на зов подруги.

– Пока, – говорю я ее спине. На душе противно, словно кто-то положил на грудь тяжелый, набитый мусором пакет. Признаюсь, на минуту – только на одну! – я и правда подумала, что она просто поболтать со мной хотела. Может, даже подружи...

Макарыч оглушает нас громким свистом и, не отрываясь от блокнота со списком класса, командует:

– Так, дуйте на канат теперь.

Только не это! По спортивному залу проносится рябь ужаса, а Макарыч закатывает глаза.

– Ой, все инвалиды, хватит жаловаться. – Он хмурит редкие брови и наклоняется, чтобы завязать шнурок. Резинка спортивных штанов разрезает толстый живот на две половины. – Нормативы есть нормативы. Надо их сдавать, а то вырастет из вас кисель, у которого силушки хватит только кнопки в телефонах тыкать. –